

К нему не заросла народная тропа

Теперь ее бетонируют

Известия - 1999 - 19 февр.
с. 7

Валентин МИХАЛКОВИЧ

Каждый день ОРТ показывает клип из сериала «Наш Пушкин», где политики, деятели культуры, просто прохожие читают по несколько строк из «Евгения Онегина». Декламации выглядят «ненасытными поисками души» поэта, осуществляемыми «по слабым отблескам, которые она оставила в других душах». В завершение очередной декламации сообщается: «до дня рождения Пушкина осталось столько-то дней». Неумолимое сокращение сроков подчеркивает, что не только стихи приближают нас к некоему абсолюту, но также время. Телевидение заставляет интенсивней ощущать его ход, и начинаешь подзревать от упорных напоминаний о сакраментальной дате, по наступлению которой наступит второй восход «солнца русской поэзии».

На «Маяке» не полагаются на художественную самостоятельность. Четырежды в день выходит здесь передача «России первая любовь» — упомянутое чувство выражают известные актеры и чтецы, исполняя стихи поэта. Чувство, воплощенное не «слабыми отблесками», а восторженными придыханиями, не столько приближает нас к «солнцу», сколько удерживает на почтительном удалении. Другая радиостанция — «Эхо Москвы» — по несколько раз на дню вклинивает между передачами как бы радиоклип, открывающийся фразой «Александр Сергеевич говорил», затем идет цитата из текстов классика, после чего следует комментарий, соотносящий цитату с современным состоянием дел в отечестве. Благодаря такой актуализации «говорящий» гений словно превращает-

ся в участника любимых на «Эхе» бесед с именитыми визитерами — кажется, он только что покинул студию, а ведущий — чуть ли не вдогонку — растолковывает мнение сидевшего у микрофона гостя. Злободневность его речей ненароком уподобляет классика персонажу «Похождений храброго солдата Швейка», который о всех будущих делах и проблемах высказался «еще до войны».

Каждый канал, стало быть, собственным путем движется к решающему событию — эксплуатируя и экспериментируя над ним, благо классик беззащитен и не может за себя постоять. Фильм Романа Балаяна «Храни меня, мой талисман», недавно показанный РТР, выглядит ироничным комментарием к этим усилиям. Вымышленные персонажи фильма вместе с подлинными Булатом Окуджавой и Михаилом Ко-

заковым ведут горячий спор о возможности сыграть гения, т.е. вплотную приблизиться к нему и перевоплотиться. Авторы прибавляют к спору неожиданный аргумент, сводящийся к тому, что перевоплощение лишь в том случае будет полным, если «исполнитель» попадет в обстоятельства, в каких жил «прообраз». Один из участников спора — нахальный и циничный Климов, реализуя замысел авторов, создает для героя картины — радиожурналиста Алексея Дмитриева — те же условия, в каких оказался Пушкин накануне дуэли. Поэт получал анонимные дипломы рогоносца — журналиста называют «рогоносиком» по телефону; кроме того, Климов запирается с женой Дмитриева — как Дантес с Натальей Николаевной в доме Идалии Полетики. Да и сам обидчик словно прибыл из пушкинской эпохи — ему прида-

ны черты Александра Раевского, считающегося прототипом «Демона» (1823), который «не верил... любви, свободе; на жизнь насмешливо глядел». Опыт удаётся на славу — герой, как и Пушкин, вызывает обидчика на дуэль.

Особой репликой специально подчеркивается, что поэт, не раз участвовавший в дуэлях, никого не убил, даже не ранил. Журналист тоже не убивает и не ранит Климова, а падает без чувств, когда приходится нажать на курок. Пушкин не причинял зла намеренно, по велению души, — подражатель не причиняет от бессилия, от органической неспособности действовать. Комментарий авторов «Талисмана» к теперешней предъюбилейной суете звучал бы, думается, пессимистически: чем активней мы оперируем гением, тем сильнее высказываем свою несоизмеримость с ним.

19.2.99.

Пушкин Александр Сергеевич